

**М.И. Пыляев**

**Замечательные чудаки и  
оригиналы**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 304  
ББК 60.5  
М11

М11 **М.И. Пыляев**  
Замечательные чудаки и оригиналы / М.И. Пыляев – М.: Книга по Требованию,  
2012. – 454 с.

**ISBN 978-5-458-01220-1**

**ISBN 978-5-458-01220-1**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



смерти Пушкина Н—нъ съ Вяземскимъ и еще съ кѣмъ-то раздѣлили послѣднія деньги, нашедшіяся у него въ бумажникѣ, съ клятвою ихъ хранить навсегда, въ знакъ памяти. Это были три двадцатипятирублевки, на которыхъ они написали годъ, день, число и часъ его смерти. Интересно, уцѣлѣли ли эти бумажки. Н—ну Гоголь посвятилъ нѣсколько лучшихъ главъ во второй части своихъ «Мертвыхъ душъ». Извѣстный петербургскій откупщикъ, миліонеръ Бенардаки, близкій къ Гоголю, предлагалъ Н—ну, когда его дѣла приняли тугой оборотъ, принять у него мѣсто воспитателя его дѣтей.

Н—нъ былъ человѣкъ очень добрый; онъ прожилъ на своемъ вѣку нѣсколько состояній; судьба почти до послѣдней минуты баловала его. Случалось, что у него въ домѣ не было копѣйки и онъ топилъ каминъ мебелью — и вдругъ новое богатое наслѣдство валилось ему съ неба. Н—нъ, избалованный богатой матерью, почти съ юношескихъ лѣтъ предался свободной и совершенно независимой жизни; живя на всемъ готовомъ въ домѣ родительницы, онъ нанималъ бель-этажъ одного большого барскаго дома на Фонтанкѣ, для своихъ друзей. Сюда онъ пріѣзжалъ ночевать съ ночныхъ игръ и кутежей и сюда же каждый изъ знакомыхъ его могъ явиться на ночлегъ, не только одинъ или самъ-другъ, но могъ приводить и пріятелей, вовсе незнакомыхъ хозяину, и одинокихъ

и попарно. Многочисленная прислуга, подъ управленіемъ карлика «Карлы-головастика», обязана была для всѣхъ раскладывать по полу матрацы со всѣми принадлежностями приличной постели, парнымъ—въ маленькихъ кабинетахъ, а холостякамъ—въ большихъ комнатахъ, въ повалку на полу. Самъ хозяинъ, являсь ночью, спрашивалъ только, много ли ночлежниковъ. Утромъ всѣ обязаны были явиться къ кофе и чаю. Случалось, что въ торжественные дни рожденія его, гвардейская молодежь съ красотками, послѣ великолѣпнаго завтрака или обѣда, сажали въ четырехмѣстную карету, запряженную четверкой лошадей, его карлика-дворецкаго съ кучей разряженныхъ дѣвицъ, а сами, снявъ мундиры, въ однихъ рейтузахъ и рубашкахъ, засѣвъ на мѣсто кучера и фореитора и ставъ на запяткахъ, вмѣсто лакеевъ,—летѣли во всю конскую прыть по Невскому проспекту, по Морской и по всѣмъ лучшимъ улицамъ! Конечно, все это могло совершаться въ началѣ 20-хъ годовъ, а въ 30-хъ объ этомъ времени вспоминали только съ сожалѣніемъ.

Такъ въ періодъ буйной и безумной молодости Н—на деньги были ему ни почемъ: онъ удивлялъ многихъ обстановкою своей холостой квартиры и своими рысаками и экипажами, выписанными прямо изъ Вѣны, и своими вечерами, на которыхъ собирались всѣ какъ русскіе, такъ и французскіе актеры. Умный и образованный че-

ловѣкъ со вкусомъ, онъ бросалъ деньги, покровительствуя художникамъ и артистамъ; онъ любилъ жить и давалъ другимъ жить. Залы у него были полны произведеніями начинающихъ художниковъ; однихъ собственныхъ его портретовъ было болѣе сотни, онъ ихъ раздаривалъ знакомымъ, какъ теперь дарятъ фотографическія карточки; всѣ его кучера, собаки, лошади были тоже перерисованы молодыми художниками. Онъ покупалъ все, что попадалось ему на глаза: фарфоръ, бронзу, брилліанты и бирюзу, которую считалъ за амулетъ. Въ особенности дорого ему обходились бенефисные подарки актрисамъ. Причудамъ его не было конца, такъ что однажды за маленькій восковой огарокъ, предъ которымъ Асенкова учила свою лучшую роль, онъ заплатилъ ей горничной шальную цѣну и обдѣлалъ въ золотой футляръ, который вскорѣ и подарилъ кому-то изъ знакомыхъ. Н—нъ одно время былъ страстно влюбленъ въ эту актрису и, чтобы вылечиться отъ безумной страсти, придумалъ слѣдующую хитрую штуку. Онъ нарядился въ женскій нарядъ и прожилъ у артистки въ качествѣ горничной болѣе мѣсяца. Это обстоятельство и послужило Пушкину сюжетомъ къ его «Домику въ Коломиѣ». Щедрость Н—на къ артистамъ доходила до того, что извѣстному Вьетану онъ подарилъ скрипку, съ которою знаменитый артистъ объѣхалъ всю Европу. Подобныя дорогія причуды, да вдобавокъ карточная

игра, въ которой онъ являлся, впрочемъ, не игрокомъ, алчущимъ выигрыша, а страстнымъ любителемъ сильныхъ ощущеній, въ 30-хъ годахъ сильно поразстроили его состояніе, тѣмъ болѣе, что онъ обзавелся цыганкой, извѣстной въ то время въ Москвѣ красавицей Ольгой Андреевной, дочерью «Стеши», прозванной Каталани. Въ то время любовь къ цыганкѣ была самая развратительная, пѣсни черноокихъ красавицъ разнѣживали и одурѣвали всѣхъ кутящихся богачей. На вечерахъ гитара такой цыганки наполнялась по нѣскольку разъ золотомъ и асигнаціями, и много разъ была опоражниваема и потомъ снова наполнялась. Эти приношенія носили названіе «угольковыхъ» и многимъ опустошали карманы. Н—нъ для цыганки держалъ экипажи съ парой вятковъ и шведокъ; за нее онъ далъ крупный выкупъ хору; у нея собиралось самое разнообразное общество: цыгане, франты, актеры, литераторы, купцы, сюда заѣзжалъ и Пушкинъ слушать цыганскія пѣсни. Постояннымъ гостемъ ея былъ и извѣстный князь Гагаринъ, тоже чудакъ большой руки, прозванный за свою худобу «Адамовой головой»; онъ былъ бретеръ и храбрецъ, выигравшій въ 1812 году у офицеровъ пари, что доставитъ Наполеону два фунта чая. И доставилъ, и только по благосклонности императора благополучно возвратился въ русскій лагерь. У Н—на отъ цыганки былъ сынъ, дворняшка, ненавидѣв-

пій комнаты. Находя въ мальчикѣ сходство съ квартальнымъ надзирателемъ ихъ квартала, онъ велѣлъ портному сшить на мальчика полный мундиръ квартальнаго того времени, заказавъ и треугольную шляпу, и оправдывался въ этой продолжкѣ, говоря: «вѣдь наряжаютъ же дѣтей гусарами, черкесами, казаками, почему же мнѣ не нарядить его квартальнымъ, когда я такъ уважаю полицію».

Однажды у цыганки Н—нъ проигралъ все, что у него было—часы, столовое серебро, наконецъ, карету съ лошадьми и даже Оленькины сани съ парой вятковъ. Выигравшій, захвативъ серебро, вещи и въ выигрышной каретѣ еще темнымъ утромъ поѣхалъ домой, приказавъ сани съ вятками отправить за нимъ. Н—нъ добродушно посмѣивался надъ подобной акуратностью игрока. Цыганка, узнавъ утромъ объ исчезновеніи вятковъ, нисколько не огорчилась: она привыкла или знала, что все скоро возвратится къ ней, и, дѣйствительно, скоро зажила прежнею роскошною жизнью. Любовь къ цыганкѣ Н—на послужила Куликову сюжетомъ для его водевиля «Цыганка». Н—нъ самъ рассказывалъ, что, сидя въ театрѣ, онъ видѣлъ на сценѣ себя и свою сожительницу. Отъ этой цыганки онъ освободился тѣмъ, что, оставивъ ей весь свой домъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ хорошей суммой денегъ въ шкатулкѣ, самъ тайкомъ уѣхалъ въ подмосковную, къ пріятелю, гдѣ

перевѣнчался на своей однофамилицѣ и поселился на нѣкоторое время въ Тулѣ.

Н—нѣ, какъ мы замѣтили, любилъ хорошо покушать и также кормить своихъ гостей почти насильно. Обѣды заказывать и говорить про кушанья онъ былъ большой охотникъ. За столомъ у себя онъ подчивалъ гостей до упаду, ежеминутно вскакивалъ и кричалъ на прислугу: видишь, мало взяли, попроси, поклоняйся, и если это было неуспѣшно, то самъ упрашивалъ не хуже извѣстнаго крыловскаго Демьяна. Не возьметъ гость—онъ считалъ большой обидой. Рѣдкій изъ его гостей выходилъ у него изъ-за стола, не упитавшись такъ, что еле несли ноги. На обѣды онъ приглашалъ за нѣсколько дней, а въ день обѣда присылалъ дворецкаго напоминать, чтобы не забыли. У него нерѣдко подавали на столъ паптетъ, при вскрытіи котораго выходилъ карликъ, держа въ одной рукѣ паптетъ уже съѣдобный, а въ другой рукѣ—букетъ съ цвѣтами.

Существуетъ преданіе, что Петръ Петровичъ Пѣтухъ списанъ Гоголемъ съ Н—на.

По смерти Пушкина, Н—нѣ переѣхалъ жить въ Москву, тутъ уже пошла не радужная сторона его жизни, но онъ не унывалъ и велъ почти ту же самую петербургскую жизнь. Онъ ѣздилъ почти ежедневно въ англійскій клубъ, выписалъ себѣ изъ Парижа дорогой кій, хранившійся всегда подъ сбереженіемъ маркера, и продолжалъ мотать

деньги, ссужая встречнаго и поперечнаго. Иногда, въ критическія минуты, ему вдругъ падали наслѣдства отъ какого-нибудь дальняго родственника, то уплачивалъ ему кто-нибудь старый карточный должокъ и т. д. Но всѣ эти неожиданности скоро исчезали. Своей роскошной жизни онъ не покидалъ и понемногу сталъ распродавать свои богатая колекціи: монеты, картины, фарфоръ, бронзу и т. д. Между замѣчательными рѣдкостями, находившимися въ его квартирѣ, былъ одинъ двухъ-этажный стеклянный домикъ аршина два длины, каждая отдѣльная часть и украшенія котораго были имъ заказаны за границей въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ. На этотъ домикъ, стоившій ему до сорока тысячъ рублей, съѣзжалось любоваться все лучшее тогда петербургское общество. Домикъ этотъ былъ потомъ заложенъ и перезаложенъ въ Москвѣ за двѣнадцать или тринадцать тысячъ и теперь неизвѣстно у кого находится какъ рѣдкая, трудно сбываемая игрушка. Домикъ былъ продолговатый, правильный четырехугольникъ, обрамленный богемскими зеркальными стеклами и образовывалъ два отдѣленія, верхнее и нижнее. Въ верхнемъ помѣщалась елѣйная танцевальная зала со столомъ по серединѣ, сервированнымъ на шестьдесятъ кувертовъ. По четыремъ угламъ залы поставлены были четыре стола и бронзовыя канделябры на малахитовыхъ подстояхъ, на потолокъ, вытѣпленномъ

въ мавританскомъ стилѣ, висѣли три серебряныя люстры, каждая по пятидесяти свѣчей, въ одномъ углу стоялъ рояль, въ другомъ арфа, первый былъ работы Вирта, вторая—Эрара, на первомъ жена владѣльца играла небольшія пьесы, употребляя для ударовъ по клавишамъ вязальныя спицы. Въ залѣ помѣщались ломберные столы съ картами, были даже щеточки и мелки для карточной игры. Вся зала была украшена тропическими растеніями, такъ искусно сдѣланными въ Парижѣ, что, казалось, эти растенія были живыми. Нижній этажъ представлялъ жилые покои и былъ наполненъ всѣмъ, что только требовалось для какого-нибудь царственнаго жилища. Заказывая эту игрушку и долго обдумывая ее, онъ не позабылъ ни малѣйшей бездѣлицы богатаго домашняго быта.

Въ этихъ жилыхъ покояхъ, стѣны которыхъ были то мраморныя, то покрытыя разноцвѣтнымъ штофомъ, были и микроскопическія картины, писанныя масляными красками, и піанино и ноты, и полная миниатюрная бібліотека и цѣлый арсеналь оружія, ящикъ съ пистолетами Лепажя, сигары, биліардъ и т. д. И всѣ эти лилипутныя вещи, серебряныя столовыя тарелки и блюда, сдѣланныя отдѣльно, замѣчательными художниками, должны имъ были стоить большого труда и терпѣнія, начиная отъ рояли, фортепіано, до бібліотеки; для печатанія только однихъ заглавій

книгъ, необходимо было придумывать такой мелкій шрифтъ, который можно видѣть только на нашихъ асигнаціяхъ. Паркетъ въ обоихъ этажахъ былъ мозаичный. Сводчатый подвалъ подъ домикомъ вмѣщалъ погребъ, въ которомъ въ открытыхъ ящикахъ хранились всевозможныя дорогія вина, укупоренныя заграницей.

Не забыта ни одна мелочь, даже восковая свѣчка приготовленная для зажиганія канделябръ. Въ одной изъ комнатъ сидятъ пестро одѣтыя дамы, а въ дверяхъ — фигура военнаго, временъ Очаковскихъ. Хозяйка привѣтствуетъ его рукой; въ другой комнатѣ хозяинъ и гость кушаютъ кофе; въ билліардной идетъ игра, всѣ фигуры одѣты въ надлежащіе того времени костюмы. Жизнь стараго русскаго дома искусно схвачена въ цѣломъ рядѣ моментовъ.

Разорившись Н—нъ заложилъ курьезную модель своего московскаго дома нотаріусу Пирогову, послѣдній рассчитывалъ съ хорошимъ барышемъ продать ее чуть ли не въ казну, какъ большую рѣдкость, покупка не состоялась и модель долго не продавалась у извѣстнаго въ Москвѣ въ пятидесятихъ годахъ антикварія Волкова. Эта старинная барская рѣдкость нѣсколько лѣтъ тому назадъ была выставлена на ремесленной выставкѣ и затѣмъ продавалась съ аукціона.

Говоря о причудныхъ игрушкахъ добраго стараго времени, мы не можемъ не упомянуть о дру-

гомъ такомъ же миниатюрномъ домикѣ, который назначался для поднесенія императору Петру Великому.

Въ Утрехтѣ, въ началѣ XVIII столѣтія жилъ богатый негоціантъ Брандтъ, посвятившій себя искусству, для котораго нѣтъ настоящаго имени, но которое можно назвать миниатюрною механикою. Онъ достигъ въ этомъ такого совершенства, что всѣ его работы цѣнились очень высоко. Когда Петръ Великій пріѣхалъ въ Амстердамъ, Брандтъ находился въ этомъ городѣ. Государь, увидѣвъ работы его, удивился терпѣнію и искусству, съ какими онѣ сдѣланы. «Дорого бы я далъ, чтобъ имѣть у себя какую нибудь особенную отличную работу Брандта», сказалъ однажды государь. Брандтъ, узнавъ объ этомъ, рѣшился сдѣлать для государя миниатюрный голландскій домикъ со всѣмъ убранствомъ, мебелью, домашними принадлежностями. Онъ работалъ не отрываясь только двадцать пять лѣтъ. И что это была за прелесть? Что за чудо! Этотъ настоящій домъ со всѣми мелочами, со всѣмъ голландскимъ комфортомъ, до малѣйшей бездѣлицы. Здѣсь были обои, сдѣланныя на утрехтскихъ фабрикахъ. Бѣлье, вытканное лучшими утрехтскими мастерами; серебряная посуда была отлита въ нарочно приготовленныхъ самимъ Брандтомъ формахъ, которыя онъ потомъ уничтожилъ. Фарфоръ былъ выписанъ изъ Японіи. Этого мало: даже книга была